

В последние годы жизни Василий Шукшин ставил свои картины в Первом творческом объединении «Мосфильм», которым руководит Сергей Бондарчук. Но наиболее близко Бондарчук познакомился с Шукшиным во время съемок фильма «Они сражались за Родину». Предлагаем вниманию читателей «Литературной России» воспоминания Сергея Федоровича Бондарчука о Василии Макаровиче Шукшине.

ВАСИЛИЙ Макарович Шукшин запомнился мне с первого его появления на киноэкране. Это было в 1959 году, когда одновременно с моей картиной «Судьба человека» демонстрировался фильм Марлена Хуциева «Два Федора», где Шукшин играл Федора-старшего. Его лицо выделялось среди привычных лиц экранных героев. Оно поражало необыкновенной подлинностью. Слово это было вовсе не актер, а человек, которого встретили на улице и пригласили сниматься. В Шукшине не было ничего актерского — нарботанных приемов игры, совершенной дикции и пластики, которые обычно выдают профессионала. Меня, в ту пору уже достаточно опытного актера, Шукшин заинтересовал.

Не меньшее впечатление произвела на меня первая картина Шукшина-режиссера — «Живет такой парень», хотя принадлежит она не к тому роду в киноискусстве, который мне более всего близок. По художническим пристрастиям мы с Василием Шукшиным были абсолютно непохожи. Он склонялся больше к бытописательству. А меня уже в то время привлекал кинематограф масштабный. Но наше несходство не помешало мне оценить умную и добрую картину, с которой Шукшин вошел в режиссуру.

Одновременно он вошел в литературу. Уже в первых своих созданиях Шукшин проявил себя как писатель самоубытный. Ни на кого не похожий, никому не подражающий.

Кто-то писал, что Шукшин, дескать, пришел поступать во ВГИК темным парнем, а институт сделал из него человека. Неправда все это. Он пришел туда Василием Шукшиным и всю свою жизнь был сам собой. В какие бы условия ни ставила его судьба, Шукшин оставался Шукшиным. Ни ВГИК, ни какое другое учебное заведение не могли сильно изменить его. Он мог бы вообще нигде не учиться и представлять собой то же, что представлял. Он сам без труда прошел бы всю положенную программу, прочитал бы рекомендованные книги, но в его человеческой сути это мало что изменило бы. Его коренной чертой было первородство, которое необычайно редко встречается. Большинство людей приспосабливаются к различным обстоятельствам и теряют при этом что-то важное, может быть, лучшее в себе. Помню, со мной в институте учился один парень, который в первые годы был чрезвычайно симпатичен мне своей огромностью, даже неловкостью. В этом для меня и состояло его обаяние. Потом, через несколько лет, я встретил его. И что же?... Это был уже другой человек — с широкими, плавными жестами. Актер, воспитанный определенной школой. Он потерял присущее ему, изначальное, и стал походить на других. Наверное, ему так легче жилось, не знаю. К счастью, с Шукшиным этого не произошло, да и не могло произойти.

Василий Шукшин был одним из ярких представителей авторского кинематографа, причём его писательскому дару не уступали ни режиссерский, ни актерский. В фильмах Шукшина основой был хороший литературный сценарий, который он писал, рассчитывая на свою режиссуру и на себя как актера. У Шукшина все три элемента кинематографа были на равной высоте. Это большая редкость в кино.

Шукшин перешел работать в Первое творческое объединение киностудии «Мосфильм»,

художественным руководителем которого я являюсь, когда уже был написан сценарий «Я пришел дать вам волю» — о Степане Разине. Мне казалось, что на студии имени Горького фильм по этому сценарию будет трудно поставить. Шукшину нелегко там работало. Он и сам говорил об этом. И переход его на «Мосфильм» был внутренне предпринят.

Образ Степана Разина Шук-

тихову, и Георгию Буркову, и другим актерам, которых пригласил сниматься. Со временем он стал держаться раскованней и увлекся работой.

Шукшину нравилась роль Петра Лопухина, бывшего шахтера, а потом солдата-бронбойщика. Но особенно он загорелся после того, как творческая группа встретилась с Михаилом Александровичем Шолоховым. И хотя писатель был, как всегда, немногословен, беседа с ним произвела на всех неизгладимое впечатление. Особенно запомнилась одна его фраза: «Писать правду трудно, но еще труднее истину найти...». Шукшин потом говорил, что личное знакомство с Шолоховым изменило не только его представ-

ша группа, Шукшин всегда первым приходил смотреть отснятый материал и обстоятельно изучал все дубли.

Он вообще очень остро воспринимал все, связанное с его работой. Я понял это еще тогда, когда он ставил «Калину красную». Однажды мы смотрели отснятый материал его картины, и я в качестве одобрения сказал ему: «Это — искусство». Но Шукшина до крайности обидело слово «искусство», потому что оно звучало для него как «уход от жизни», а этого он не мог терпеть, всегда и во всем добиваясь подлинности. Тогда он даже заплакал от обиды и сказал мне: «Как ты можешь это говорить?»

Вспоминаю другой случай,

малось ему, с кинематографом. Но не мог бы он этого сделать. Проживи он еще много лет, Шукшин все равно терзался бы, но продолжал бы и писать книги, и снимать фильмы, и играть в них. Все его способности были распределены таким образом, что он черпал силы в одной области, чтобы в другой их потратить. Его душевное неистовство никогда бы не оставило его в покое. В период съемок фильма «Печки-лавочки» он мог вдруг, бросив все, уехать на несколько дней к себе в деревню и писать там. Никто не знал, где он. Его искали. А он каждую минуту работал. При этом считал, что мало успевает и мало знает.

Шукшин больше любил слу-

Сергей БОНДАРЧУК

ПЕРВОРОДСТВО

Василий Макарович ШУКШИН, 1973 год.

Публикуется впервые.
Фото Виктора ШАГОВА

шин вынашивал долгие годы. Он был «болен» им еще в период работы над картиной «Странные люди». Уже там ощущается, как тяжело и мучительно подступался он к Разину. Сценарий и увидевший свет после него одноименный роман подтверждают это. Я слышал недавно, что какой-то другой режиссер собирается делать фильм о Разине по сценарию Василия Шукшина. Думаю, что ничего хорошего из этого не получится. Мы уже видели неудачные ленты по сценариям Шукшина, поставленные другими режиссерами. В качестве исключения хочу назвать работу С. Любшина и Г. Лаврова по повести Шукшина «Позови меня в даль светлую». Там снимается и Л. Федосеева-Шукшина. По отснятому материалу, который я недавно смотрел, можно предположить, что фильм будет удачным. Но это редкость. Секрет же авторского кинематографа все же заключается в том, что его не разъезжает на части. Конечно, талантливый человек может сделать хорошую картину о Разине. Но лучше не трогать при этом сценарий Василия Шукшина, который рассчитывал на свою режиссуру и свое исполнение, а главное — на свое понимание этого образа и фильма.

С Шукшиным-актером мне довелось встретиться, когда снимался фильм «Они сражались за Родину». Первое время я чувствовал его настороженность. Он будто ждал моих режиссерских указаний — что и как играть. Я же не собирался ему ничего диктовать. Верил ему, как и Вячеславу

лени о писательском труде, но и об искусстве, и о жизни.

Шолоховские диалоги легко ложатся в разговорную речь. Это я заметил еще в период работы над сценарием «Они сражались за Родину». Шукшин же с самого начала принял в них что-то менять применительно к себе, к своей индивидуальности. Переставляя во фразе какое-нибудь слово, он делал ее как бы своей собственной. Это пошло на пользу фильму, как и непосредственность поведения Шукшина перед камерой.

Шукшин предупредил меня, что, играя Лопухина, будет предельно раскрепощен. Вначале я с некоторой осторожностью приглядывался к тому, как он сморкался, ругался и т. п. В нашем кинематографе такое не принято, хотя еще в период работы над картиной «Война и мир» я понял, что иной раз трудно обойтись без некоторых выражений или заменить их адекватными. Я решил, что раскованность Шукшина правомерна в нашей картине, отвечает ее духу и стилю, и ввел ее во всей группе.

Во время съемок Шукшин влиял на меня как яркая личность, сильный характер. Раздумывая об этом, я пришел к выводу, что наше взаимовлияние естественно и продуктивно.

Играл Шукшин всегда с полной психологической отдачей, с предельным эмоциональным напряжением. Для него не было «проходных» эпизодов, все его в той или иной мере волновало. На теплоходе «Дунай», где во время съемок жила на-

тоже связанный с «Калиной красной». В материале картины было слишком много кадров, снятых трансфокатором. И в окончательном варианте фильма их достаточно, но черновой — был ими перенасыщен. Эти кадры просто раздражали. Когда я обратил на это внимание Шукшина, он согласился. Оказалось, что трансфокатор впервые попал к нему в руки и очень ему понравился. Шукшин по-детски увлекся этой «игрушкой».

«Калина красная» была первой работой Василия Шукшина на нашей студии — он за нее переживал вдвойне. Помню один из первых просмотров фильма. Это было в Госплане СССР. Так случилось, что до самой последней минуты мы не знали, будем показывать фильм или нет. Все были очень напряжены, особенно Шукшин. Просмотр все-таки состоялся. Когда фильм окончился, зрители аплодировали, и на глазах у многих были слезы. Шукшин все повторял мне: «Ты видишь, им понравилось!» Он ликовал.

Радоваться и удивляться он умел многому. Даже, казалось бы, обычным вещам. Где бы мы ни были, он в любом городе и селе находил книжный магазин и приносил оттуда груды книг. Шукшин был самым образованным человеком в нашей съемочной группе, но ему самому всегда казалось, что он мало знает. И новая книга порой изумляла его. Как вчерашнюю новость, он рассказывал однажды о том, как Достоевский принес Некрасову свой первый роман и как Некрасов, прочитав его, прямо ночью хотел идти к Достоевскому. Все это Шукшин рассказывал заинтересованно, дивясь тому, что он не знал этого раньше, и тому, как много он еще не знает, хотя знал столько, что любой мог ему позавидовать.

Однажды он прочитал статью одного из маститых наших литераторов, который упрекнул Шукшина-писателя в том, что работой актера он, мол, «унижает» свой писательский дар. Шукшин был сильно расстроен. Он не понимал, чем актерская профессия хуже писательской и как она может унижить... Шукшин не мог отказать ни от режиссуры, ни от актерской работы. Эта ответственность его интересов, влечений мучила Шукшина, разрывала, но была тем не менее неизбежна. До последних своих дней он говорил, что надо с чем-то расстаться. Либо с литературой, либо с кинематографом. Скорее всего, ду-

* Специальное оптическое устройство, применяемое в киносъёмке.

шать, чем говорить сам, стараясь все приобщить к своему духовному миру. Он был необычайно наделен энергией творца и до последних дней своих оставался неутомимым тружеником. На съемках фильма «Они сражались за Родину» он не переставал думать о собственной будущей картине, подыскивал для нее натуру, обдумывал режиссерский сценарий. Тогда же он успел сняться в фильме Глеба Панфилова «Прошу слова». Закончив пьесу, опубликованную позже в журнале «Наш современник». Дописывал роман... Он так много мог успевать и еще многое хотел сделать.

Шукшин был легко ранимый человек. Чувствовалось, как много рубцов осталось на его сердце. Все обиды за человеческие несовершенства он брал на себя. Последний рассказ «Кляуза», опубликованный при жизни Шукшина в «Литературной газете», был непридуманным. Это самый страшный его рассказ. Шукшин поведал в нем о действительно случае, когда ему в больничной одежде и тапочках пришлось уйти из больницы декабрьским вечером с диагнозом острой пневмонии. Женщина-вахтер нагло оскорбляла его при детях и посторонних людях. Сначала она не хотела пускать к нему в больницу дочерей, отговариваясь обычным «не положено»; хотя к другим больным дети пришли. Кто-то посоветовал ему «дать» ей полтинник. Но он не мог бы никогда «дать». Не умел. Несколько часов спустя та же женщина не пустила к нему писателей, приехавших в Москву специально для делового разговора с ним. Оглетелое хамство вахтерши, которой он ничего плохого не сделал, поразило его. Когда рассказ был опубликован в одном из сентябрьских номеров, Шукшин получил письмо от врачей этой больницы, которые писали, что он, «оболгав» их персонал, тем самым «опорочил» всех работников медицины. Шукшин растерялся. Он не знал, что делать. И мы не знали, как ему помочь. Это был период отчаяния. И в неуемной своей радости, когда ему сопутствовал успех, и в горе — во всем он не укладывался в привычную норму.

Василий Шукшин был явлением необычайным и неповторимым. Надолго останется все, что он сделал в литературе, в кино, в театре. Вспоминать о нем, сколько бы времени ни прошло, тяжело. Трудно. Большое горе не любит влияния. Постараемся быть верными его пониманию, искренности в искусстве, как он, отдавая всего себя народу, Родине.